

В.Л. Сязи

### Образ дерева в прозе Е.Д. Айпина

*Аннотация.* Предметом исследования является образ дерева в прозе Е.Д. Айпина. Цель работы – рассмотреть функцию древесных образов на материале произведений хантыйского прозаика Е.Д. Айпина. Актуальность исследования определяется тем, что древесные образы не становились объектом отдельного исследования в творчестве Е.Д. Айпина. В произведениях хантыйского прозаика древесные образы имеют антропоморфное воплощение. Отдельные деревья и лесной массив в изображении Е.Д. Айпина ведут себя подобно разумному человеку. «Унцых-ики» (старик-сосна) в повести «По первому снегу» способен стонать, в рассказе «Конец рода Лагермов» «кедр брызнул янтарно-чистыми слезами», деревья в рассказе «Медвежье горе» заплакали. Однако присутствует и обратное сравнение человека с деревом. Дерево становится одним из средств создания образа Возлюбленной в лирической прозе писателя.

Деревья – одна из составляющих пейзажа прозы Е.Д. Айпина. Пейзаж, созданный писателем, отражает чувства лирического героя.

Анализ художественных текстов Е.Д. Айпина показывает, что древесные образы служат средством создания и глубинного понимания этнически обусловленного героя. Через него хантыйский прозаик транслирует мифологическое мировоззрение этноса. Антропоморфизм, реализованный писателем на страницах произведений, позволяет утверждать мысль о неразрывности существования человека и природы.

*Ключевые слова:* хантыйская литература, Е.Д. Айпин, система образов, пейзаж, древесный образ.

V.L. Syazi

### The image of a tree in the prose of E.D. Aipin

*Abstract.* The subject of research is the image of a tree in the prose of E.D. Aipin. The purpose of the work is to consider the function of the woody images based on the works of the Khanty writer E.D. Aipin. The relevance of the study is determined by the fact that the woody images had never been the objects of a special study in the creative work of E.D. Aipin. In the works of the Khanty writer the woody images have the anthropomorphic embodiment. Certain trees and forests in the images of E.D. Aipin are like a reasonable people. «Untsykh-iki» (the old pine) in the story «On the First Snow» is able to moan, in the story «The End of the Lagerms' Kin» «the cedar wept with amber-clean tears», the trees in the story «The Bear's Grief» also wept. However, there is the other comparison of trees with people. So, a tree becomes one of the means of creating of the image of the Beloved in lyric prose of the writer.

Trees are the components of the landscape of prose of E.D. Aipin. The landscape created by the writer reflects the feelings of the lyrical hero.

Analysis of the literary texts of E.D. Aipin shows that the woody images are means of creating and deep understanding of the ethnically represented hero. Through this hero the Khanty writer translates the mythological worldview of the ethnos. Anthropomorphism realized by the writer in the pages of his works allows asserting the idea about the inseparability of human and nature existence.

*Key words:* Khanty literature, E.D. Aipin, system of the images, landscape, woody image.

Е.Д. Айпин – один из ведущих хантыйских прозаиков, чье творчество неизменно привлекает интерес отечественных и зарубежных исследователей. Исследователи и критики изучили многие аспекты творчества писателя, однако древесные образы не становились предметом отдельного исследования.

Отметим сразу, что обращение Е.Д. Айпина к зооморфным, орнитоморфным и фитоморфным, древесным образам становится узнаваемой

частью авторского стиля. Частое обращение автора в произведениях разных жанров (рассказ, повесть, роман) к образам животных, птиц и растений подтверждает неразрывную связь в мировоззрении хантыйского народа между человеком и окружающим миром флоры и фауны. Человек ассоциирует себя с частью окружающего мира, его обязанность – следовать нормам морали и поступать по совести, не брать больше, чем необходимо для жизни.

Одним из важных флористических образов в мировоззрении народа является дерево. Дерево считается не только дарителем жизни, но и имеет сакральный смысл. Согласно картине мира обских угров оно одновременно пребывает в трех измерениях: Верхнем, Среднем и Нижнем мирах. Крона дерева стремится в небо, ствол пребывает в Среднем мире, в котором живет человек, а корни расположены в Нижнем мире. А.М. Сагалаев заключает, что «Дерево – универсальный образ древней мифологии во всем мире, выступая в роли центра мира и той вертикали, что связывает землю с небом, является медиатором между верхним (небесным) и средним (земным) мирами «потому с деревом ассоциируются все наиболее важные процессы, происходящие в Природе и Обществе» [1, 87]. Мифологическое мировоззрение породило сакральное воззрение на древесный образ. Почитание дерева присутствует у хантов до сих пор.

Хантыйские писатели часто обращаются к образу дерева, лесного массива в своих произведениях. Обобщенным исследованием о роли лесного массива в поэзии народа ханты является статья Е.В. Косинцевой «Концепт Лес в хантыйской поэзии». Исследователь выявила основные семантические поля концепта, придя к выводу, что «понятие лес / дерево заняло одно из доминантных мест в пейзажной лирике хантыйских поэтов, при этом понятие это содержит мифологические реминисценции и осмысливается поэтами концептуально. Анализ стихотворений показал, что у каждого поэта есть дерево, с которым он соотносит себя: у Лазарева – лиственница, у Шульгина – кедр, у Волдина – сосна, у Вагатовой – береза, у Ругина – ель. При создании образа леса, как и дерева, поэты используют олицетворения, сравнения, эпитеты. Синонимами леса выступают лексемы тайга, бор, чаща, чащоба, урман, терем, лесок, хоромы, зеленый свод, шатер, дом. Образ леса антропоморфен. У него выделяют кровяные, животворные артерии, голос, глаза, сердце, руки, косы, душа, разум.

Хантыйские поэты в своем творчестве рассматривают лес как укрытие, место нахождения животных и птиц, как отдаленное место, как пространство, как дом (место), как средство существования, источник жизни (здесь вполне логичны охотничья, промысловая, промышленная функция леса), как мост в параллельный мир, как живое существо» [2, 102].

Древесный образ воплощен не только в хантыйской поэзии, но занимает значимое место и в прозе. Е.Д. Айпин не раз обращается к дендронимам в своих произведениях, объектом фокуса становится отдельно стоящее дерево либо лесной массив. Прозаик создает образ дерева, наделяя его антропоморфными чертами. Он также обращает внимание на сакральность и мифологическую составляющую этого образа.

Бережное отношение к дереву прослеживается во многих произведениях автора, наиболее ярко, на наш взгляд, оно воплощено в повести «В ожидании первого снега»: «Поэтому ханты еще с малолетства внушают детям, что надо беречь деревья и травы, нельзя их напрасно убивать. Оттого-то в прошлые времена охотники на дрова рубили только сушняк, а жерди для чума, если путь предстоял дальний, разбирали и ставили под кроной разлапистого дерева – они пригодятся тому, кто здесь остановится» [3, 41]. Оленеводы возили жерди с собой, так как часто кочевали. Если жерди были легки, то переходили из поколения в поколение. Даже рогульки для чайников и приготовления рыбы оставляли около кострища, чтобы не рубить для этих целей вновь молодые деревья.

В повести автор приводит размышления стариков о судьбах начальников появившегося в низовьях Ингу-Ягуна лесозащитника. Там каждый год появлялся новый руководитель, так как предыдущий погибал по какой-либо причине. Старики решили, что причина несчастий в том, что на лесозащитке вырубали много деревьев и сгубили молодняк напрасно. Согласно древнему преданию, чем больше человек уничтожает деревьев, тем короче становится его жизнь. О том, что дерево живое, автор упоминает буквально в каждом произведении, указывая на то, что оно способно чувствовать боль и страдать. Эту боль ощущают и этнические герои Е.Д. Айпина.

Продолжение мысли прозаика о бережном отношении к лесному массиву отражено в романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари». Рассуждения Демьяна – главного героя романа – о праздновании Нового года завершаются выводом: «– Вот сказать: в поселке во всех домах в праздник елки стоят? <...>

– А теперь надо подумать: по всей земле надо ли ради одного дня столько живых деревьев убивать, а?! Надо ли?!

– Да... – неопределенно протянула девушка. – Подумать нужно...

– Люди считают: не надо! – сказал Демьян. – Думаю, они правы. Как-то после новогоднего праздника в поселок приехал. Почти возле каждого дома елки валяются. Обломанные, с осыпавшейся хвоей, как скелеты. Мертвые... Тогда и подумал: может ни к чему столько деревьев губить ради одного-то дня?!» [4, 269].

Демьян рассказывает своей попутчице Марине о хантыйской традиции: «Вот у нас у каждого рода имеются в лесу Священные Деревья. Это на Священных Борах, на Священных Холмах. Люди приходят туда, разными тканями и шкурами зверей украшают их. Дерево не погибает. Дерево много-много лет живет» [4, 269]. Традиция, рассказанная Демьяном, показывает не только бережное отношение народа к деревьям, это отражение части духовной культуры этноса.

Ю. Морозов в статье «Мир поэта – мир поэту», посвященной творчеству Р.П. Ругина, пишет: «В творчестве Р. Ругина, будь то лирика или проза, нет разделений или противостояния человека и Земли, человека и природы. Они едины в своем существовании и бытии. Одной из характернейших особенностей мировосприятия малочисленных народов Севера вообще, народа ханты в частности, является принцип достаточности в отношении к природе: не брать от нее больше, чем требуется для сохранения рода. Иначе скудеет она, а род погибает. Природа для ханты – не мастерская, а храм, где пакостить запрещено» [2, 100]. Такая же закономерность характерна и для прозы Е.Д. Айпина. Суровые условия климата, частые кочевья, смена времен и правителей наложили отпечаток на менталитет хантыйского народа. Бережливость в использовании природных ресурсов была присуща всему этносу. Традиция брать ровно столько, чтобы хватило прокормить семью, сохранялась на протяжении веков, за нерачительное отношение к природе человек мог быть наказан свыше. Эту мысль автор озвучивает устами Отца Детей в романе «Божья Мать в кровавых снегах»: «Белый сказал, обращаясь к хозяину:

– Поправлюсь и уйду.

Хозяин отхлебнул чай из блюдца и издал неопределенный звук:

– Хм-м...

Белый помолчал, потом добавил:

– Незванный гость – я все понимаю...

Хозяин чуть улыбнулся уголками губ и,

упреждая невеселые мысли-рассуждения гостя, успокоил его:

– Про это дело не бойся – не мы тебя кормим-поим...

– А кто же?

Хозяин кивнул в сторону неба:

– Наш Верховный Отец.

– Каким образом?

Хозяин удивился наивному непониманию простейших истин, но виду не показал, а терпеливо начал растолковывать:

– Он пошлет в мои сети – невода лишнюю рыбку, на мои пули – лишнюю птицу и лишнего зверя, а в мое стадо – лишнего оленя. Для гостя, а ты у нас гость. Он прибавит мне немного удачи во всех делах. Он там высоко сидит – далеко видит...» [5, 96].

Отдельного внимания заслуживают обычаи, которые связаны с деревом. В рассказе «Русский лекарь» Осип повествует своему собеседнику об обычае подвешивания берестяного кузовка с пуповиной ребенка на березу. Дочь Осипа Валентина родилась в том месте, где пролегал путь мужчин. Осип указал путнику на березу с кузовком и объяснил, что после рождения ребенка пуповину кладут в берестяной кузовок, зашивая корнем кедра, выбирают здоровое крепкое дерево и подвешивают на него кузовок с пуповиной. Чем дольше хранится кузовок на дереве, тем лучше для ребенка, но если дерево начинает гнить-погибать, наклоняться и падать, это плохой признак.

Писатель в произведениях создает живой образ дерева, олицетворяет его. Эту же закономерность его творчества отметила и О.К. Лагунова. В монографии «Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги)» ученый пишет: «Встреча «человек – дерево» (варианты – бор, урманы и т.д.) в произведениях Е.Д. Айпина не бывает случайной и бесследной, она побуждает к размышлению, разговору, воспоминанию. Во второй подглавке первой главы повести отец Микуля вспоминает «Путешествие» со своим отцом, когда на привале он вдруг услышал «тихий стон» и увидел маленькую зеленую сосенку – «её всю корежило» (...) по стволу ползла тяжелая (...) слеза» [6, 100]. Дерево не только по телесным, физическим характеристикам сравнимо с человеком, оно, как и человек, способно проявлять эмоции. Так, в рассказе Е.Д. Айпина «Конец рода Лагермов»

кедр принял в себя пулю, предназначавшуюся Маремьяну, из раны потекли слезы. «Пуля шмякнулась о ствол рядом стоявшего дерева. Кедр брызнул янтарно-чистыми слезами. Они неторопливо катились на неровной серой коре и исходили в изжелта-зеленый мох, в землю» [7, 45]. Прозаик не случайно употребил лексему «слёзы», дерево приняло в свое «тело» пулю, которая могла унести жизнь человека. Плакать способен лишь человек, но автор применил к дереву данный глагол. Маремьян мысленно поддержал дерево, выражая сочувствие: «Маремьян пристально посмотрел на капли, бегущие по шершавому стволу кедра. Время излечит тебя, Кедр! Теплые ветры зализжут твою рану, осенние дожди промоют ее, яркое солнце согреет, и через год-другой все пройдет. Ты молод, ты силен. Ты проживешь много-много лет» [7, 45]. Таким образом, автор уподобляет дерево человеку, способному принимать душевную и физическую боль, наделяет способностью слушать и понимать человека. Рассказывает об еще одной интересной особенности дерева на страницах романа «Ханты, или Звезда Утренней Зари». Оно способно впитать в себя негативные высказывания, брань и после этого начинает умирать: «Может быть, (призрак – В. С.) ходит мимо старого кедра. Мимо кедра, который в тот далекий год пронзила яростная брань Кровавого Глаза, – и он стал хиреть с тех пор. На самой верхушке в год отмирало по две-три плодоносящих ветви. <...> Кто знает, сколько проклятий и всякой скверны услышал тогда лес на этой переправе. Как уверяли старики всех сиров, каждое живое дерево, когда в него попадает скверна, тотчас начинает хиреть и вскоре умирает. Все живое более чувствительно и ранимо, нежели человек, говорили старики» [4, 173].

Создавая образ дерева, автор использует олицетворение. Одним из ярких примеров является отношение главного героя повести «В ожидании первого снега» Микуля Сигильетова к «убийству» двухсотлетней сосны. В начале разговора с Микулем мастер Кузьмич не понимает, о чем идет речь, почему Микуль говорит о дереве, как о человеке, употребляя глагол «убили». Кузьмич поправляет Микуля в разговоре, меняя слово убили на спилили, срубили, но герой все же настаивает на глаголе «Убили!» Для Микуля, выросшего в тайге, дерево считается срубленным, если оно потребовалось для строительства дома или слопцов-ловушек.

На буровой, по его мнению, дерево срубили без надобности, а значит «убили». Мастер попытался объяснить новому помбуре вырубку данного участка леса необходимостью сохранения целого бора в случае аварии на буровой. Умом Микуль понял данную жертву, но сердцем все же не мог принять и стон погибшей сосны, и многоголосый плач всех убитых и покалеченных деревьев. Этот стон-плач не давал ему покоя. Главный герой искренне надеется, что Кузьмич поймет его переживания. Монолог Микуля, обращенный к Старика (так герой именует сосну), полон сочувствия и вины. Герой обнадеживает дерево: «После тебя твои дети и внуки остались, но они в печке уже не умрут, вместо них газ будет гореть, что ищут люди буровой. Нефть и газ пришли на помощь деревьям и травам. Ты, Старик, в уме плохое не держи на нас. Ты оставил на земле много добра, ты не напрасно жил, не напрасно» [3, 32]. Переживания Микуля о погибшем старике Унцых-ики автор передал на хантыйском языке. Монолог-прощение героя состоит из двух абзацев, Микуль обращается к дереву, называя его Стариком, подобно обращению к человеку-старцу. Словно молитву произносит герой свою речь, просит прощения у невинного стражника леса. Данная повесть переведена с хантыйского языка, но именно данный монолог – прощение, обращенный к дереву, автор преднамеренно сохранил на родном языке героя. Так прозаик акцентировал внимание читателя, подчеркнул особое мировосприятие природы народом. Искреннее чувство сожаления и вины Микуля отражены в этой речи, мировоззрение народа воплощено в слове героя. Дерево живое, оно способно стонать, плакать, разговаривать, чувствовать. Это убеждение сохранено в сознании народа, поэтому и Микуль все это глубоко ощущал, пропуская через себя. Владимир Рогачев справедливо заметил о перипетиях сердца и разума, происходящие в Микуле: «Разумом молодой герой понимает, зачем пришли сюда эти люди, что не уйти никому от промышленного освоения края. Блага техногенной цивилизации все равно проникнут в самые отдаленные поселения. Но сердце героя бунтует против цивилизованного варварства, губящего природу и древний устав жизни. Микуль нашел свой путь – после молитвенного дня у Старика – могучего древа жизни. Герой понял: пришельцы сильнее, открытое сопротивление ничего не даст, надо

работать с ними и попытаться разбудить их совесть и уважение к другому миру, передать знание древнего словаря Югры» [8, 143].

Не только плакать, стонать, буквально воспринимать речь человека способны деревья, прозаик наделил деревья способностью благодарить: «Лес наполнялся треском ломающихся деревьев и веток. Они словно убегали, искали спасения, но огонь догонял их.

Тайга стонала, как смертельно раненный зверь.

Кедр вздрогнул и рухнул на обугленный грунт. Стоявший рядом молодняк до земли поклонился ему. Под ногами охотника задрожали корни деревьев» [7, 29].

Часто автор использует метафорические переносы: «Нагие сосны на корню догнивали на обочине дороги. Из-под снега торчали скрюченные руки-ветви стариков с черными подпалинами – ожогами на узловатых суставах. Всюду серо-бледные тела мертвых сосен. Они скончались в невыносимых муках. Как и люди, умирая, они взывали к небу, взывали к тучам, взывали к дождю. Их тоже мучила жажда. Огонь безжалостно выжимал последние капли смолы и влаги» [4, 94]. Неоднократно прозаик сравнивает дерево со стариком, данное сравнение не только указывает на одушевление дерева в мировоззрении народа, но и выражает почтение и благоговение.

В повести «У гаснущего очага» Роман рассуждает о судьбе высохшего кедра, предполагая, живое дерево или мертвое: «Кончились мостки – и мы прислонили свои слезы к засохшему на корню кедру. Я потрогал его замшелый ствол. Кора давно отвалилась и, наверное, уже сгнила. А его тело – серое и крепкое – все еще поблескивало на солнце. Кедр гордо возвышался над всей округой. И мне он показался стражем вот этих мостков, клюквенного бора и ближнего леса. От старости он высох и замшел, но продолжал стоять на своем посту. Так он живой или мертвый? Высох – значит умер. Но он стоит и охраняет округу – стало быть, живой. Разве мертвый может держать слезы и стоять на страже?!» [9, 57–58].

Как видим, писатель создает антропоморфный образ дерева, выступающего стражем пространства. Возможность перехода/соединения деревом пространств особо почитаема ханты, поэтому и дерево выступает защитником – пророком судьбы человека. Все это закреплено в обрядовой традиции этноса. Ее то

и транслирует автор на страницах своих произведений.

К образу кедра обращается еще один хантыйский прозаик Р. П. Ругин в повести «Сорок Северных Ветров». Кедр становится единственным свидетелем знаковых событий в жизни главных героев. Юные герои повести Арсин и Таясь уединяются на острове Шиян. Влюбленные клянутся под раскидистым кедром, что осенью соединят свои судьбы навечно и что клятву эту может нарушить лишь случайная смерть. Но планы влюбленных разрушает несущая смерть война. Последнее свидание перед отъездом Арсина на фронт проходит вновь на острове. «...К дереву клятвы пойдем. К старому кедру. Помнишь, весной ты клялся под ним, что не тронешь меня до свадьбы? Вот и считай, что у нас с тобой нынче свадьбы... Пойдем к дереву клятвы, объявим ему об этом... Я сама скажу...

Как во сне, Таясь спустила ноги с нар и, крепко держа его за руку, вышла из избушки. В темноте, под ярким и ночными звездами шли они, слившись воедино, к тому самому кедру, на котором он весной вырезал две буквы: «Т» и «А»» [10, 397–398]. «Арсин вырезал первые буквы имен «А» и «Т» на восточной стороне кедра, чтобы лучи утреннего солнца каждый раз согревали их, словно бы вливая тепло и силу» [10, 398] в ту любовь, которую пронесут герои через всю жизнь, ради которой нарушат сложившиеся веками обычаи. Кедр в повести выступает не только свидетелем любви героев, в минуты одиночества Арсин обращается к нему за помощью, дерево является проводником героя по коридорам памяти.

Герой Е. Д. Айпина подобно герою Р. П. Ругина обращается к деревьям за помощью. Микуль – герой повести «В ожидании первого снега» – восстанавливает жизненные силы в родной тайге: «Кузьмич сдержал слово: на другой день он отправил Микуля седьмым членом вахты на смену. Седьмой – лишний, в вахте всего шесть человек. Микуль сначала помогал помазку, заправлял отдыхавшие дизели – их под навесом много, одни работают, другие отдыхают. <...> Работа вроде бы простая – успевай только поворачиваться. Но грохот «забивал» уши, машинный дух перехватывал дыхание. Когда становилось совсем невмоготу, Микуль бросал грубые брезентовые рукавицы и бежал в светлый сосновый бор. <...> Микуль лежал неподвижно на влажном белом

ягеле, оглушенный и ослепленный, и ждал, когда свежесть и покой мудрого бора вернут ему силу, способность дышать, слышать, видеть, наконец, способность жить. Ведь бор не оставит его в беде?! Кто поможет, если не бор?!» [3, 39–40]. Микуль – истинный охотник и рыбак, ведущий традиционный образ жизни до недавнего времени. Тайга для героя – это часть его самого, его неотъемлемая часть души и тела. Он не мыслит себя без природы, поэтому, отдалившись от привычного промысла, Микуль чувствует, что теряет жизненные силы. Возвратившись в лоно природы, герой восстанавливает жизненный баланс сил, восстанавливается не столько физически, сколько духовно. Буровая истощает героя, мысли Микуля постоянно возвращаются в таежные просторы, тишину и спокойствие природы.

На страницах произведений прозаика нашло также место и обратное сравнение человека с деревом. Мощные корни питают живительной влагой тело и крону дерева, подобным образом в силе родной земли автор находит спасения для своего многострадального героя. В романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» Демьян сравнивает себя с деревом. После потери важности Пеструхи герой рассуждает: «И самому, может быть полегчает – спасет дивная Земля предков, что поставила его на ноги. Он был что дерево, которому не раз подрубали корни и ветви, но он яростно цеплялся за жизнь, за землю и снова оживал – пускал новые корни» [4, 371]. В повести «В ожидании первого снега» автор вновь обращается к сравнению дерева и человека. Бурильщика Алексея Ивановича автор сравнивает с крепким здоровым деревом, повидавшим немало в жизни. Жена бурильщика не захотела поехать с мужем на Север, поступок женщины автор сравнил с трухлявой веткой, о потере которой не стоит жалеть.

Помимо отдельно стоящего дерева прозаик обращается к группе деревьев, номинированных через лес, бор, урман, т.е. то пространство, в котором чаще всего разворачиваются события произведений. Лесной массив в рассказе «Медвежье горе» вторит чувствам медведицы-матери, отзываясь на ее горе: «Детки все неподвижны, все безмолвны. И тут медведица-мать заревела на весь лес:

–Бу-ху-ху-ууу!!!

Какой это был рев!

Деревья, показалось мне, и то заплакали» [7, 8]. После рассказа деда Ефрема об истории

медведицы-матери все присутствующие путники молчали. Автор использует анафористические повторы, усиливая восприятие трагедии животного: «Молчали люди. Молчали сосны. Молчали звезды на небе. Молчал наш костер, догорал наш костер» [7, 9]. Лес выступает не просто местом, где происходят действия. Лес – это действующее лицо, способное помогать, сочувствовать, принимать боль человека, восстанавливать духовное равновесие. Лесной массив в рассказе «Последний рейс» выступает действующим лицом, яркие и говорящие эпитеты передают эмоциональную напряженность повествования. События рассказа разворачиваются на реке Аган. Герои произведения Костя Казамкин и капитан Буркин готовились к последнему рейсу навигации. Каждый думал о своем: Костя, сын таёжника, мечтал о первом снеге и о тайге, Буркин прикупил ружье, чтобы удачно закончить навигацию. Костя до того, как увидел ружье в руках капитана, даже не подозревал об охотничьем азарте Буркина. Последний рейс и предстоящая охота капитана Буркина, чувство неминуемой беды не давали покоя герою. Предчувствием полон и лес вдоль реки, словно ждущий чего-то: «Двигатель работал ровно и монотонно. Шум его гулким эхом отзывался в настороженном осеннем лесу. Катер уверенно бежал по реке» [7, 12]. Даже птицы и звери словно спрятались от неминуемой гибели, лес почувствовал на себе опасность: «Буркин загнал в стволы два патрона с жаканом и дробью и вышел на палубу. Ружье он держал перед собой наготове. Замасленный короткий палец лежал между курками: на который нажать раньше – левый или правый? Но, как на зло, река будто вымерла – ни чирка, ни халея, ни пташки глупой.

Глаза капитана скользнули по прибрежному лесу – и березки зябко съежились и поникли» [7, 14].

Деревья – одна из главных составляющих пейзажа в прозе Е. Д. Айпина. Писатель с любовью рисует лес в разные времена года: «Ездили весной, когда Священный Бор скидывал зимний наряд, и в нем было особенно чудесно и свежо. Ездили летом, когда в соснах Священного Бора висела таинственная первозданная тишина. Ездили осенью, когда Священный Бор покрывался сочной брусникой и в суровом предзимье становился чутким и трепетным. Ездили зимой, когда Священный Бор дремал под снегами, но все видел и слышал» [9, 154].

Обращение писателя к пейзажам не только детализирует повествование, оно фокусирует внимание на персонаже, помогает создать этнически обусловленного героя наблюдающего за природой: «Утром, выйдя из балка, Никита чутьем коренного сибиряка уловил, что зима повернула другим боком: вот-вот ударит мороз. Снег стал серебристый, светлый. Суровый ельник замер в ожидании чего-то, не шелохнулся ни единой иглой» [7, 59], «По шуму деревьев, по взбурливанию воды в реке таежник определил, что дождь скоро кончится, надо вставать» [7, 26].

Пейзаж, который создает прозаик, соответствует чувствам героя в лирической прозе сборника «Река-в-Январе». В большинстве рассказов Е.Д. Айпина фигурирует осенний пейзаж, раздетый и обнаженный лес. Чувства лирического героя так же обнажены и безответны. В этот период герой пребывает в молчании, часто думает о возлюбленной, о несостоявшейся любви. Описание весенних или зимних пейзажей в любовной прозе отсутствует. Осенние пейзажи заполняют лирическое пространство прозы Е.Д. Айпина. Ненастье, сырость реки, тяжелые тучи, холодный дождь – это все символы осеннего пейзажа. Расставание героя с возлюбленной происходит тоже осенью. Однако, встречается и совершенно обратная символика осеннего леса. В рассказе «В мир вечного покоя» взаимоотношения героев приобретают интимный характер на исходе осени, когда зима только вступает на землю. «Все вокруг белым-бело. Выпал первый снег. Вчерашний ветер ночью стих. И в ушах стояла звенящая тишина. Казалось, весь мир надолго замер и прислушивался к тишине. Слушали тишину молодые сосны в снегу, дома в снегу, земля в снегу и низкое осеннее небо» [11, 122–123]. Первоснежье и тишина, царящая в засыпающем лесу, говорят о начале чистых и сокровенных отношений влюбленных мужчины и женщины.

Присутствие древесных образов в пейзаже подобно зооморфным и орнитоморфным образам, обусловлено мифологическим мировоззрением народа, реализованным в творчестве Е.Д. Айпина. Через образ лесного массива и отдельно стоящего дерева писатель отражает мировоззрение и философию своего народа.

Древесный образ многофункционален в прозе Е.Д. Айпина. Это свидетельство универсализма и тесной связи традиционного мировоззрения с художественной словесностью. Представители флоры – сосна, кедр и береза

– нашли воплощение в произведениях Е.Д. Айпина. Интересно то, что автор приписывает им чувства, свойственные человеку, – дерево способно стонать, плакать, восстанавливать жизненные силы. Микуль в повести «В ожидании первого снега» слышит стон срубленного двусотлетнего старика-дерева, деревья в рассказе «Медвежье горе», сочувствуя матери-медведице, заплакали, кедр в рассказе «Конец рода Лагермов» принял пулю, предназначавшуюся Маремьяну, и из раны брызнули слёзы. О способности дерева слышать и воспринимать человеческую брань, упомянуто в романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари», в рассказе «В урмане» молодой березняк «поклонился» упавшему горящему кедру за спасение от пожара.

Обратное сравнение человека с деревом, также есть в произведениях Е.Д. Айпина. Прозаик сравнивает Демьяна – героя романа «Ханты, или Звезда Утренней Зари» – с деревом, которому неоднократно подрубали ветви и корни. Подобно дереву, цепляющемуся за землю, Демьян пытался оправиться после очередного удара судьбы. Очередное сравнение человека с деревом встречается в повести «В ожидании первого снега», жену бурильщика, оставившую мужа, писатель уподобляет сухой ветке дерева, о потере которой не стоит жалеть.

Часто писатель использует метафорический перенос: руки – ветви, ствол – тело. Выражение Микуля «Убили Старика!» – наиболее яркая фраза, транслирующая отношение народа к природе. Сакральность деревьев, их антропоморфизм – прямое свидетельство живой древней культуры ханты и попытка автора познакомить с ней читателя через свои произведения. Автор воплотил народное мировоззрение в художественном слове.

Пейзаж становится продолжением образа Влюбленного и Возлюбленной, их чувств и переживаемых эмоций. Обращение писателя к пейзажным зарисовкам подчеркивает этничность героя.

Мировосприятие народа ханты, проживающего в постоянном взаимодействии с природой, основано на обожествлении и одушевлении флоры и фауны. Тотемизм, зооморфизм, анимализм – формы верований, тесно взаимосвязанные в мировоззрении и бытии этноса. Закономерным становится присутствие зооморфных, орнитоморфных, фитоморфных образов, восходящих к древним религиозным и обрядовым практикам, в художествен-

ном творчестве хантыйского прозаика. Это создает этнический колорит художественного произведения и является неотъемлемой чертой авторского стиля Е.Д. Айпина. Это обуслови-

ло и появление анимализмов, ярких сравнений и олицетворений как части поэтики художественной словесности писателя, и шире, всей хантыйской литературы.

### Литература

1. Сагалаев, А.М. Алтай в зеркале мифа [Текст] / А.М. Сагалаев. – Новосибирск: Наука. Сиб отд-ние, 1992. – 176 с.
2. Косинцева, Е.В. Концепт Лес в хантыйской поэзии [Текст] / Е.В. Косинцева // Культурные и филологические аспекты генезиса и трансформации исторических общностей коренных народов Югры: коллективная монография. – Ч. 2. – Тюмень: Формат, 2014. – С. 87–103.
3. Айпин, Е.Д. В ожидании первого снега. Повести: пер. с хант. [Текст] / Е.Д. Айпин. – М.: Сов. Россия, 1990. – 160 с.
4. Айпин, Е.Д. Ханты, или Звезда Утренней Зари [Текст] / Е.Д. Айпин. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 334 с.
5. Айпин, Е.Д. Собрание сочинений. В 4 т. [Текст] / Е.Д. Айпин. – Т. 4.: Божья Матерь в кровавых снегах. – СПб.: Амфора, 2014. – 287 с.
6. Лагунова, О.К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги) [Текст] / О.К. Лагунова. – Тюмень: изд-во ТюмГУ, 2007. – 458 с.
7. Айпин, Е.Д. Клятвopеcтyпник [Текст] / Е.Д. Айпин. – М.: Русло, 1993. – 423 с.
8. Рогачёв, В. Стрелы вольного охотника [Текст] / В. Рогачёв // Хантыйская литература: сборник. – М.: Литературная Россия, 2002. – С. 139–146.
9. Айпин, Е.Д. Собрание сочинений. В 4 т. [Текст] / Е.Д. Айпин. – Т. 1.: У гаснущего очага. – СПб.: Амфора, 2014. – 286 с.
10. Ругин, Р.П. Сорок Северных Ветров: повести [Текст] / Р.П. Ругин. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1996. – 480 с.
11. Айпин, Е.Д. Собрание сочинений. В 4 т. [Текст] / Е.Д. Айпин. – Т. 3.: Река-в-Январе. – СПб.: Амфора, 2014. – 319 с.

### References

1. Sagalaev, A.M. *Altay v zerkale mifa* [Altay in the mirror of the myth]. Novosibirsk: Nauka. Sib otd-nie Publ., 1992. p. 176.
2. Kosintseva, E.V. *Kontsept Les v hantiyskoy poezii* [The concept Forest in the Khanty poetry]. *Kulturnye i filologicheskie aspektyi genezisa i transformatsii istoricheskikh obschnostey korennykh narodov Yugryi: kollektivnaya monografiya* [Cultural and philological aspects of genesis and transformation of historical communities of the indigenous people of Yugra: collective monograph]. Tyumen: Format Publ., 2014. Vol. 2. pp. 87–103.
3. Aipin, E.D. *V ozhidanii pervogo snega* [Waiting for the First Snow]. Moscow: Sov. Rossiya Publ., 1990. 160 p.
4. Aipin, E.D. *Hantiyi, ili Zvezda Utrenney Zari* [The Khanty, or the Star of the Morning Dawn]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1990. 334 p.
5. Aipin, E.D. *Sobranie sochineniy v 4 t.* [Collected works in 4 vol.]. *T. 4: Bozhya Mater v krovavyih snegah* [Vol. 4: The Mother of God in the Bloody Snows]. Saint-Petersburg: Amfora Publ., 2014. 287 p.
6. Lagunova, O.K. *Fenomen tvorchestva russkoyazyichnykh pisateley nentsev i hantov posledney tretii XX veka* (E. Aipin, Yu. Vella, A. Nerkagi) [The phenomenon of the creative work of Russian-speaking writers of the Nenets and Khanty in the last third of the XX century (E. Aipin, Yu. Vella, A. Nerkagi)]. Tyumen: TyumGU Publ., 2007. 458 p.
7. Aipin, E.D. *Klyatvoprestupnik* [The Oath-breaker]. Moscow: Ruslo Publ., 1993. 423 p.
8. Rogachyov, V. *Strelyi volnogo ohotnika* [The arrows of the free hunter]. *Hantiyskaya literatura: sbornik* [Khanty literature: collection]. Moscow: Literaturnaya Rossiya Publ., 2002. pp. 139–146.
9. Aipin, E.D. *Sobranie sochineniy v 4 t.* [Collected works in 4 vol.]. *T. 1: U gasnuschego ochaga* [Vol. 1: Near the Fading Fireplace]. Saint-Petersburg: Amfora Publ., 2014. 286 p.
10. Rugin, R.P. *Sorok Severnyih Vetrov: povesti* [Forty North Winds: stories]. Ekaterinburg: Sred.-Ural. kn. izdvo Publ., 1996. 480 p.
11. Aipin, E.D. *Sobranie sochineniy v 4 t.* [Collected works in 4 vol.]. *T. 3: Reka-v-Yanvare* [Vol. 3: The River-in-January]. Saint-Petersburg: Amfora Publ., 2016. 319 p.